

П. Кропоткин

Анархия, ее философия, ее идеал

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
К83

K83   Кропоткин П.
Анархия, ее философия, ее идеал / П. Кропоткин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 65 с.

ISBN 978-5-458-54663-8

ISBN 978-5-458-54663-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

планета, на которой жилъ онъ самъ,—центромъ творенія. Самъ же онъ являлся въ своихъ собственныхъ глазахъ высшимъ существомъ своей планеты, избраникомъ творца. И солнце, и луна, и звѣзды существовали для его одного; на него одного было обращено все вниманіе бога, который наблюдалъ за малѣйшими его поступками, останавливалъ для него движение солнца, парилъ въ облакахъ и посыпалъ на поля и города дождь или грозу въ награду за добродѣтели или въ наказаніе за преступленія жителей. Втеченіе цѣлыхъ тысячелѣтій человѣкъ представлялъ себѣ вселенную именно такимъ образомъ.

Но въ шестнадцатомъ вѣкѣ, когда было доказано, что земля не только не центръ вселенной, но не болѣе какъ песчинка въ солнечной системѣ, не болѣе какъ шаръ, гораздо меньшій по величинѣ, чѣмъ многія другія планеты; что само солнце—это громадное свѣтило по сравненію съ нашей землей—есть не болѣе какъ одна изъ тѣхъ безчисленныхъ звѣздъ, которыя мы видимъ свѣтящимися на небѣ и составляющими своей массой млечный путь, — въ міросозерцаніи людей произошла, какъ вы знаете, огромная перемѣна. Какимъ ничтожнымъ показался тогда человѣкъ въ сравненіи съ этой бесконечностью, какими смѣшными показались его претензіи! Измененіе космогоническихъ взглядовъ отразилось на всей философії на всѣхъ общественныхъ и религіозныхъ взглядахъ того времени. Лишь съ той поры начинается то развитие естественныхъ наукъ, которымъ такъ гордимся мы теперь.

Въ настоящее время, однако, во всѣхъ отрасляхъ науки происходитъ еще болѣе глубокая и еще болѣе существенная перемѣна, и анархизмъ представляетъ собою, какъ вы увидите, ничто иное, какъ одно изъ многочисленныхъ проявлений этой эволюціи, какъ одно изъ отраслей этой новой нарождающейся философіи.

Возьмите любое сочинение по астрономии конца прошлого или начала этого века. Само собою разумеется, что вы не встретите тамъ утверждения, что наша маленькая планета занимаетъ центръ вселенной; но зато вы найдете на каждомъ шагу представление о громадномъ свѣтиль—Солнце—управляющемъ, посредствомъ силы притяженія, всѣмъ нашимъ планетнымъ міромъ. Отъ этого центрального свѣтила исходитъ сила, направляющая движеніе его спутниковъ и поддерживающая гармонію всей системы. Планеты рождаются изъ некоторой центральной массы, представляя собою, такъ сказать, не болѣе какъ продуктъ ея почкованія. И этой центральной массѣ, мѣсто которой заступило теперь наше лучезарное солнце, онѣ обязаны всѣмъ: ритмомъ своихъ движений, своими искусно распределенными орбитами, жизнью, оживляющей и украшающей ихъ поверхность. Если какія нибудь причины стремятся нарушить ихъ теченіе, заставить ихъ уклониться отъ своихъ орбітъ, центральное свѣтило возстановляетъ порядокъ въ системѣ, охраняя ее и обеспечивая такимъ образомъ на вски ея существованіе.

И вотъ, это-то міросозерцаніе исчезнетъ въ свою очередь, какъ исчезло старое. Астрономъ, сосредоточившій раньше все свое вниманіе на солнцѣ и крупныхъ планетахъ, обращается теперь къ изученію безконечно малыхъ, населяющихъ вселенную. Онъ видѣтъ, что междупланетная и межзвѣздная пространства заполнены всюду мелкими скопленіями вещества,—невидимыми и ничтожными, если ихъ рассматривать въ отдельности, но всемогущими по своей численности. Изъ этихъ скопленій одни довольно велики—какъ напримѣръ тотъ болидъ, который, еще такъ недавно распространилъ ужасъ въ испаніи; другія, наоборотъ, вѣсятъ не болѣе несколькиихъ лотовъ и золотниковъ, а вокругъ нихъ

носятся еще болѣе мелкія, почти микроскопической пылинки и газы, заполняющіе собою все пространство.

И именно въ этихъ пылинкахъ, въ этихъ безконечно-малыхъ, несущихся въ пространствѣ по всѣмъ направленіямъ съ громадной скоростью, сталкивающихся, сливающихся и распадающихся повсюду и постоянно, именно въ нихъ ищетъ современный астрономъ объясненія, какъ происхожденія нашей системы — солнца, планетъ и ихъ спутниковъ, — такъ и движений, свойственныхъ этимъ различнымъ тѣламъ, и гармоніи во всей солнечной системѣ. Еще одинъ шагъ — и само всемирное тяготѣніе окажется не болѣе, какъ равнодѣйствующей беспорядочныхъ и безсвязанныхъ движений этихъ безконечно-малыхъ, — колебаній, атомовъ, происходящихъ по всевозможнымъ направленіямъ.

Такимъ образомъ, центръ силы, перенесенный раньше съ земли на солнце, оказывается теперь раздробленнымъ, разсѣяннымъ повсюду: онъ вездѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нигдѣ. Мы видимъ, вмѣстѣ съ астрономомъ, что солнечные системы суть не болѣе какъ продуктъ сложенія безконечно-малыхъ; что сила, которую разматривали прежде какъ управляющую всей системой, есть, можетъ быть сама не болѣе какъ равнодѣйствующая столкновеній этихъ безконечно малыхъ; что гармонія звѣздныхъ системъ — гармонія только потому, что она представляетъ собою известное приспособленіе, известную равнодѣйствующую этихъ безчисленныхъ движений, слагающихся, заполняющихъ и уравновѣщающихъ другъ друга.

• Вся вселенная принимаетъ, при этомъ новомъ міросозерцаніи, иной видъ. Представленіе о силѣ, управляющей міромъ, о предустановленномъ законѣ и представлена гармоніи исчезаетъ, уступая мѣсто той гармоніи, которую отчасти предвидѣлъ Фурье и которая есть ничто иное какъ равнодѣй-

ствующая движениј безчисленныхъ скопленій вещества, движущихся независимо одно отъ другого и взаимно поддерживавшихъ другъ друга въ равновѣсіи.

* * *

И не въ одной астрономіи происходитъ такая перемѣна. То же самое мы видимъ въ философіи всѣхъ наукъ безъ исключенія, какъ тѣхъ которые занимаются природой, такъ и тѣхъ, которые имѣютъ дѣло съ человѣкомъ.

Въ физикѣ исчезаютъ отвлеченные понятія о теплотѣ магнитизмѣ, электричествѣ. Когда въ настоящее время физикъ говоритъ о нагрѣтомъ или наэлектризованномъ тѣлѣ, то уже не представляется ему въ видѣ безжизненной массы, къ которой прилагаетъ невѣдомая сила. Онъ старается открыть, какъ въ этомъ тѣлѣ, такъ и въ окружающемъ его пространствѣ, движенія и колебанія бесконечно-малыхъ атомовъ, двигающихся по всѣмъ направлениямъ, колебающихся, живущихъ и производящихъ своими столкновеніями, своею жизнью, всѣ явленія теплоты, свѣта, магнитизма или электричества.

Въ наукахъ, изучающихъ живыя существа, постепенно исчезаетъ понятіе о видѣ и его измѣненіяхъ и его мѣсто занимаетъ понятіе объ индивидуумѣ, особи. Ботаникъ и зоологъ изучаютъ индивидуума — его жизнь, его приспособление къ средѣ. Перемѣны, вызываемыя въ отдѣльныхъ особыхъ сухостью или сыростью воздуха, тепломъ или холодомъ, обилиемъ или недостаткомъ пищи, большей или меньшей чувствительностью къ вліяніямъ окружающей среды, ведутъ къ образованію видовъ. Измѣненіе вида представляетъ теперь собою для біолога ничто иное, какъ равнодѣйствующую, какъ сумму измѣненій, произошедшихъ въ каждомъ индивидуумѣ въ отдѣльности. То, каковъ видъ, зависитъ отъ того,

каковы составляющіе его индивидуумы, испытывающіе на себѣ безчисленныя вліянія окружающей среды и реагирующіе на эти вліянія каждый по своему.

Точно также, когда физіологъ говоритъ о жизни какого нибудь растенія или животнаго онъ имѣеть въ виду скорѣе вѣкоторую агломерацію, состоящую изъ миллионовъ отдельныхъ индивидуумовъ, чѣмъ единую и нераздѣльную особь. Онъ говоритъ о федераціи пищеварительныхъ органовъ, органовъ чувствъ, нервной системы и т. д. — органовъ, очень тѣсно связанныхъ между собою, отражающихъ на себѣ хорошее или дурное состояніе каждого изъ нихъ, но, тѣмъ не менѣе, живущихъ, каждый, своею особою жизнью. Въ свою очередь, всякий органъ, всякая его часть состоитъ изъ независимыхъ клѣтокъ, соединяющихся другъ съ другомъ для борьбы съ неблагопріятными для ихъ существованія условіями. Каждый индивидуумъ представляетъ собою цѣлый міръ федерацій, заключаетъ въ себѣ цѣлый космосъ.

Въ этомъ мірѣ физіологъ находитъ независимыя клѣтки крови, различныхъ тканей, нервныхъ центровъ; находитъ миллиарды бѣлыхъ тѣлецъ — фагоцитовъ, направляющихся къ тѣмъ частямъ тѣла, которыя задѣты микробами, для борьбы съ этими врагами. Мало того: въ каждой микроскопической клѣткѣ онъ видитъ теперь цѣлый міръ независимыхъ элементовъ, изъ которыхъ каждый живетъ своею жизнью, стремится къ своему благу и достигаетъ его, группируясь и соединяясь съ другими элементами. Каждый индивидуумъ однимъ словомъ, представляетъ собою міръ органовъ, каждый органъ — цѣлый міръ клѣтокъ, каждая клѣтка — міръ бесконечно-малыхъ, и въ этомъ сложномъ мірѣ благосостояніе цѣлаго зависитъ вполнѣ отъ размѣровъ благостоянія, которыми пользуются мельчайшія микроскопическая частицы

организованного вещества. Цѣлый переворотъ происходитъ такимъ образомъ въ философіи жизни.

* * *

Но особенно важны послѣдствія этого переворота въ области психологіи.

Еще совсѣмъ недавно психологъ говорилъ о человѣкѣ, какъ о единомъ и нераздѣльномъ цѣломъ. Согласно религіозной традиції, онъ дѣлилъ людей на добрыхъ и злыхъ, умныхъ и глупыхъ, эгоистовъ и альтруистовъ. Представленіе о душѣ какъ цѣломъ даже существовало еще у материалистовъ XVIII в.

Но что сказали бы въ наше время ученые, если бы психологъ заговорилъ теперь о чёмъ нибудь подобномъ? Человѣкъ представляетъ собою теперь для психолога множество отдѣльныхъ способностей, множество независимыхъ стремленій, равныхъ между собою, функционирующихъ независимо другъ отъ друга, постоянно уравновѣщающихъ другъ друга, постоянно находящихся въ противорѣчіи между собою. Взятый въ цѣломъ, человѣкъ представляется современному психологу, какъ вѣчно измѣняющаяся равнодѣйствующая всѣхъ этихъ разнообразныхъ способностей, этихъ независимыхъ стремленій мозговыхъ клѣтокъ и нервныхъ центровъ. Всѣ онѣ связаны между собою и вліяютъ другъ на друга, но каждый и каждая изъ нихъ живетъ своею независимою жизнью, не подчиняясь никакому центральному органу, никакой душѣ.

* * *

Мнѣ нѣтъ надобности входить въ дальнѣйшія подробности: сказанного достаточно, чтобы показать, какое глубокое измѣненіе происходитъ въ настоящее время въ области естественныхъ наукъ. Измѣненіе это заключается не въ томъ, что они изучаютъ теперь такія подробности, которыми пре-

небрегали раньше. Далеко нѣть: факты остаются тѣ же, но измѣняется самый способъ ихъ пониманія. Чтобы охарактеризовать въ немногихъ словахъ это новое направленіе, мы можемъ сказать, что прежде наука занималась изученіемъ крупныхъ результатовъ и крупныхъ суммъ (математикъ сказалъ бы: интеграловъ), тогда какъ теперь она изучаетъ главнымъ образомъ бесконечно-малыя величины — т. е. тѣхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ составляются эти суммы и въ которыхъ ученый увидалъ, наконецъ, элементы самостоятельные, индивидуализированные, но, въ то же время, тѣсно связанные между собою.

Что же касается до гармоніи, которую человѣческій умъ находитъ въ природѣ и которая есть въ сущности ничто иное, какъ проявленіе извѣстнаго постоянства явленій, то, несомнѣнно, современный ученый признаетъ ее въ настоящее время больше, чѣмъ когда бы то ни было; но онъ уже не стремится объяснить ее дѣйствиемъ „законовъ“ созданныхъ по опредѣленному плану, предустановленныхъ какою то разумною волею.

То, что называлось прежде „естественнѣмъ закономъ“, представляется намъ не болѣе, какъ улавливаемымъ нами отношеніемъ между извѣстными явленіями; каждый такой „законъ“ получаетъ теперь условную форму причинности, т. е.: „если при такихъ-то условіяхъ произойдетъ такое-то явленіе, то за нимъ послѣдуетъ другое такое-то явленіе“. Виѣ явленій нѣть закона; каждое явленіе управляется не закономъ, а тѣмъ явленіемъ, которое ему предшествовало.

Въ томъ, что мы называемъ гармоніей природы, не проявляется никакая предвзятая мысль; для ея установлениія достаточно было случайныхъ столкновеній и сочетаній. Одно явленіе, напримѣръ, будетъ существовать впродолженіе цѣлыхъ

вѣковъ, потому что для установлѣнія той приспособленности къ условіямъ, того равновѣсія которое оно выражаетъ, потребовались вѣка: другое явленіе просуществуетъ лишь одно мгновеніе потому что эта времененная форма равновѣсія возникла мгновенно. Если планеты нашей солнечной системы не сталкиваются ежедневно и не разбиваются другъ о друга, а существуютъ впродолженіе миллионовъ вѣковъ, то это зависитъ отъ того, что они представляютъ собою такую форму равновѣсія, на установлѣніе которой, какъ равнодѣйствующей цѣлыхъ миллионовъ слѣпыхъ силъ, потребовались миллионы вѣковъ. Если материки не подвергаются ежегодно разрушенню вслѣдствіе вулканическихъ сострясеній, то причина этого въ томъ, что тысячи вѣковъ понадобились имъ, чтобы воздвигнуться частица за частицей и принять настоящую свою форму. Напротивъ того, молния длится одно мгновеніе, потому что представляетъ собою минутное нарушеніе равновѣсія и внезапное перераспределеніе еще не уравновѣшенныхъ силъ.

Такимъ образомъ гармонія въ природѣ является для нась временнымъ равновѣсіемъ, устанавливающимся между различными силами, — нѣкоторымъ временнымъ приспособленіемъ, которое можетъ существовать лишь при условіи постоянного видоизмѣненія, представляя собою въ каждый данный моментъ равнодѣйствующую всѣхъ противуположныхъ силъ. Стоитъ только одной изъ этихъ силъ оказаться стѣсненной на время въ своемъ дѣйствіи, и гармонія исчезнетъ. Способность къ дѣйствію будетъ тогда постепенно накопляться въ данной силѣ и рано или поздно должна будеть проявиться, должна будеть обнаружиться. Если другія силы будутъ ей противодѣйствовать, она все таки не исчезнетъ, а нарушить, въ концѣ концовъ, равновѣсіе и разрушить гармонію, чтобы найти новое равновѣсіе, новую

форму присобленія. Такъ бываетъ въ вулканическихъ изверженіяхъ, когда заключенная внутри сила пробиваетъ, наконецъ, застывшую лаву, которая мѣшаетъ выходу газовъ, расплавленной лавы и раскаленного пепла. Такъ бываетъ и въ революціяхъ.

* * *

Аналогичное измѣненіе въ методахъ мышленія совершается въ тоже время и въ наукахъ, занимающихся, человѣкомъ.

Мы, видимъ, напримѣръ, что исторія, бывшая когда-то исторіей царствъ, стремится сдѣлаться исторіей народовъ и изученіемъ личностей. Историкъ стремится узнать, какъ жили въ данную эпоху члены той или другой націи, каковы были ихъ вѣрованія, ихъ средства существованія, какой общественный идеалъ рисовался въ ихъ воображеніи и какими средствами они обладали для его достижения. Именно дѣятвіе всѣхъ этихъ силъ, прежде оставлявшихся безъ вниманія дасть ключъ къ истолкованію великихъ историческихъ явлений.

Точно также ученый занимающійся правомъ, уже не довольствуется изученіемъ того или иного свода законовъ. Подобно этнографу, онъ стремится отыскать зарожденіе посѣдовательного ряда учрежденій, — стремится прослѣдить ихъ развитіе въ теченіе ряда вѣковъ, причемъ занимается не столько писаннымъ закономъ, сколько мѣстными обычаями, тѣмъ „обычнымъ правомъ“, въ которомъ во всякой эпохи находило себѣ выраженіе созидательное творчество безвестныхъ народныхъ массъ. Въ этомъ направленіи вырабатывается теперь совершенно новая отрасль науки, которая разрушить современемъ всѣ существующія понятія, внушаемыя намъ въ

школъ, и объяснить исторію такимъ же образомъ, какъ естественные науки объясняютъ природу.

Наконецъ, политическая экономія, бывшая въ началѣ своего существованія изученіемъ богатства на родовъ, становится теперь изученіемъ богатства личностей. Она интересуется не столько тѣмъ, ведеть ли данная нація крупную внѣшнюю торговлю, сколько тѣмъ, — есть ли достаточно хлѣба въ хижинѣ крестьянина и рабочаго? Она стучится во все двери — въ дворцы и въ трущобы — спрашивая какъ у богатаго, такъ и у бѣднаго: „Въ какой степени удовлетворены наши потребности въ необходимомъ и въ предметахъ роскоши?“ И, убѣдившись, что у девяти-десятихъ человѣчества не удовлетворены даже самые настоятельныи потребности, она ставить себѣ тотъ же вопросъ, который поставилъ бы себѣ физіологъ, изучающій какое нибудь животное или растеніе, а именно: „Какимъ путемъ возможно удовлетворить потребностямъ всѣхъ съ наименьшей тратой силъ? Какимъ образомъ можетъ общество обеспечить каждому, а следовательно и всѣмъ, наибольшую сумму благосостоянія и счастья?“ Въ этомъ именно направленіи происходитъ измѣненіе экономической науки, которая такъ долго была простымъ перечисленіемъ явлений, истолкованныхъ въ интересахъ меньшинства богатыхъ, а теперь стремится сдѣлаться (или вѣрнѣе вырабатываетъ нужные для этого элементы) наукой въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. физіологіей человѣческихъ обществъ.

* * *

По мѣрѣ того, какъ въ наукѣ вырабатывается, такимъ образомъ, новая общая точка зрѣнія, новая философія, мы видимъ, что и понятіе объ обществѣ становится совершенно инымъ, чѣмъ оно было до сихъ поръ. Подъ именемъ ана-